

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-2-72-69–88

ОСТРОГОЛОВЫЕ ПЕРСОНАЖИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЮЖНОЙ СИБИРИ

И.В. Ковтун

Независимый исследователь, Кемерово, Россия
ivkovtun@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена серии остроголовых изображений в головных уборах в виде высоких колпаков или со шпалеобразными навершиями. Изображения представлены монументальной скульптурой, рисунками на стелах, скалах и плитах из захоронений, а также мелкой пластикой. Запечатленные персонажи относятся к эпохе бронзы и созданы представителями окуневской, каракольской, крохалевской, самусьской и, возможно, большемысской культур. На основе принципов компаративной мифологии и структурного анализа композиций предложено истолкование смысловых значений ряда ярких образов, относящихся к кругу окуневских и крохалевских древностей. Выявлено иконографическое соответствие между уникальным изображением с Томской писаницы и фигуркой антропоморфного образа из Туриста-2. Проведена параллель между семантикой пары взаимосвязанных богов-духов окуневской и каракольской культур.

Проведены сравнения мифологических персонажей окуневской и крохалевской культур с образами, представленными в ранневедийских памятниках. Парные персонажи, отличающиеся колпакообразными и параболоидными уборами, соотнесены с ведийской двандвой и образами Митры и Варуны, а также с авестийскими Митрой и Ахурой. Сделан вывод о взаимосвязанной паре функционально схожих верховных богов, вероятно, присутствующих и раннеокуневскому социуму. С одной стороны, групповые персонажи в колпаковидных головных уборах сопоставлены с обско-угорскими представлениями о подобном облике злых духов, а также менквов. С другой стороны, такие антропоморфные изображения напоминают о группе древнейших ведийских богов Адитьев, восходящих к индоиранской общности, распад которой совпадает с началом окуневской культуры. Кардинально пересмотрена интерпретация известного антропоморфного образа со шпалеобразным навершием на голове и «руками на поясе» как мифологического персонажа с крыльями вместо рук или «крылатого демона».

Ключевые слова: эпоха бронзы, остроголовые персонажи, окуневская культура, каракольская культура, самусьская культура, крохалевская культура, петроглифы, семантика

Данные об авторе: Ковтун Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, независимый исследователь.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 20-49-420003 р_а «Наскальное искусство Кузбасса: хронология, мифология и культурная принадлежность» и по Соглашению №24/2020 между Министерством образования и науки Кузбасса и ФИЦ УУХ СО РАН о предоставлении грантов из областного бюджета на выполнение проектов научных исследований от 21.12.2020.

Для второй половины IV – первой трети II тыс. до н.э. в Южной Сибири известны восемь изобразительных комплексов: афанасьевский, окуневский, каракольский, самусьский, крохалевский и сейминско-турбинский, включающий одиновско-кротовскую и елунинскую составляющие. Этот многообразный конгломерат стилистически различных фигуративных изображений пресекается в первых веках II тыс. до н.э. вторжением андроновской аниконической традиции, представленной протологографической системой орнаментальных знаков-символов. Но до этого исторического водораздела в составе изобразительных традиций Северо-Западной Азии зафиксирована серия ирреальных образов, эпохально связующих упомянутые выше разнокультурные иконографические комплексы схожестью ключевой черты данных персонажей. Указанный признак сводится к колпакообразным уборам или шпилевидным навершиям, венчающим головы (либо головные уборы) антропоморфных и антропоаморфных образов.

ОСТРОГОЛОВЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Подобные остроголовые конфигурации чаще присущи ряду узнаваемых персонажей окуневской (рис. 1–4; 5, 1–3) и каракольской (рис. 6), заметно реже самусьской (рис. 7, 5, 5a) и крохалевской (рис. 7, 1–4; 8) культур. В одном случае такое изображение связывается автором находки с большемыским комплексом поселения Танай IVA (рис. 5, 4). Еще одно плоское профильное изображение из захоронения в Туристе-2 пока бесспорно не идентифицировано с каким-либо культурным массивом (рис. 8, 1), но радиоуглеродная дата, полученная по кости животного из погр. 6 (4601 ± 61 BP или 3511–3127 (68,2%; 3622–3101 (95,4%)) гг. до н.э.¹, где найдена эта фигурка, либо некорректна, либо указывает на разновременность и поликультурность памятника. О последнем может свидетельствовать и распределение культуродиагностирующих находок в погребениях Туриста-2. Так, предметы изобразительного искусства, находящиеся параллели в окуневском, каракольском и единично в самусьском изобразительном комплексе, найдены в одних захоронениях, а керамика крохалевского облика, а также с чертами кротовского компонента обнаружена в других могилах². Но в настоящее время памятник отнесен к крохалевской культуре с исключительно текстильной керамикой и антропоморфами в островерхих уборах, а также с лучезарными нимбами («солнцеголовых», по мнению авторов)³. Действительно, облик персонажей позволяет синхронизировать их с иконографически подобными крохалевскими петроглифами Нижнего Притомья.

С инокультурным образцом сопоставимо вышеупомянутое профильное изображение из сланца, передающее антропоморфа в остроконечном капюшоне или колпаковидном башлыке (рис. 8, 1). Лицевая часть данного персонажа напоминает аналогичные черты большемыского(?) стержневого идола из Таная IVA. Иконографически показательны идентичная передача массивной выступающей нижней челюсти или бороды, приоткрытого рта с пухлыми губами, а также характерная вогнутая выемка в области шеи-груди. Параметрически сопоставимы и конфигу-

¹ Зоткина и др. 2020, 77.

² Басова и др. 2017; Басова 2018; Заика и др. 2019; Басова и др. 2019.

³ Колобова и др. 2019, 74.

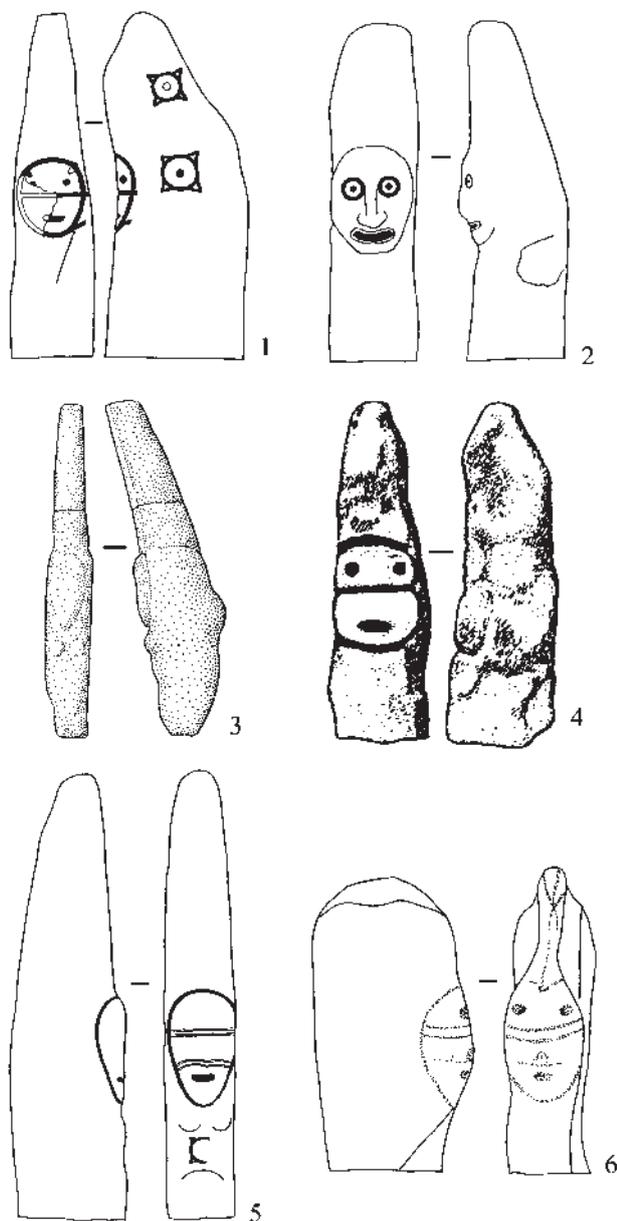

Рис. 1. Остроголовые менгиры окуневской культуры. 1 – изваяние кургана в низовьях р. Тея; 2 – первое изваяние кургана Чалгыс оба; 3 – пос. Ербинский; 4 – первая «стела» могильника Уйбат III; 5 – второе изваяние Салбыкской степи; 6 – изваяние у с. Анаш. 1–6 – по: Леонтьев и др. 2006, рис. 17, 34, 155, 163, 232, 242

Fig. 1. Pointed headed menhirs of the Okunevo culture. 1 – statues from the kurgan in the low Teya river region; 2 – the first “stele” of Chalgyys oba cemetery; 3 – Erbinskiy settlement; 4 – the first “stele” of Uybat III cemetery; 5 – the second statue of Salbyskaya steppe; 6 – the statue near Anash village. 1–6 – according to: Leontyev et al. 2006, fig. 17, 34, 155, 163, 232, 242

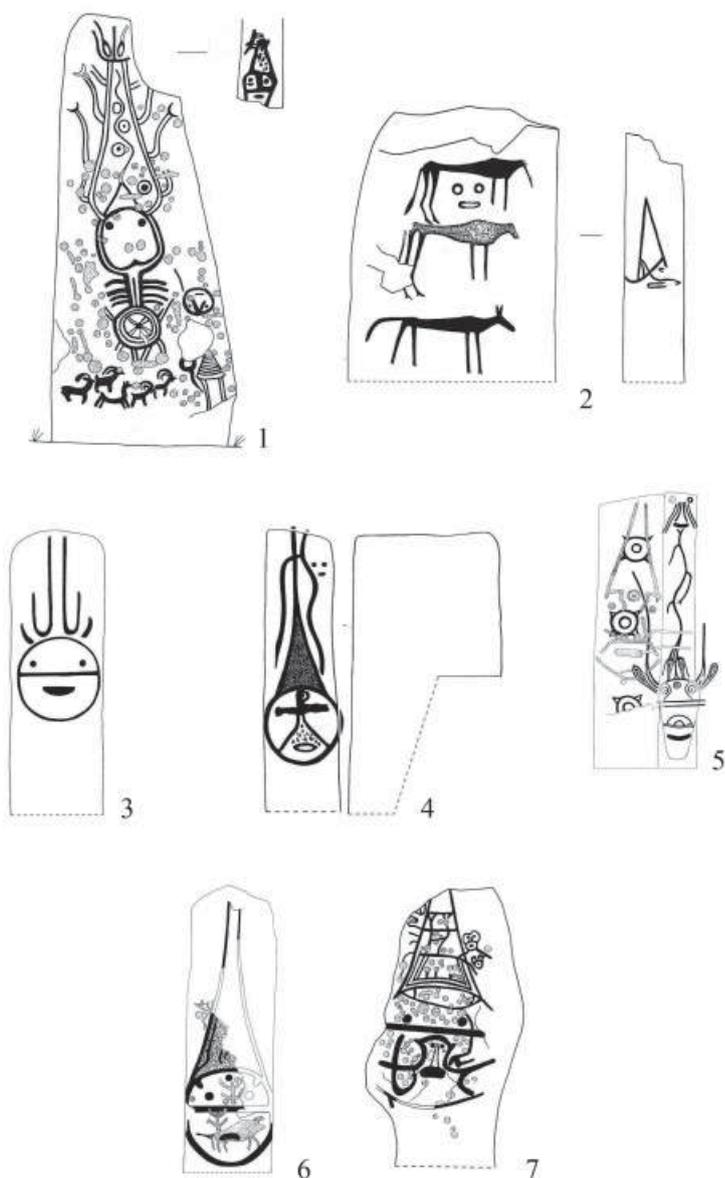

Рис. 2. Остроголовые окуневские персонажи на стелах. 1 – стела Сырского чаатаса, устье р. Сыр; 2 – второй памятник с перевала у улуса Нижняя Тея; 3 – стела с устья ручья Тибик; 4 – вторая стела могильника на правом берегу р. Абакан; 5–7 – Кызласский чаатас: 5, 6 – первый и второй памятники; 7 – стела. 1–7 – по: Леонтьев и др. 2006, рис. 83, 139, 241, 252, 253, 276, 291

Fig. 2. Pointed headed characters on steles. 1 – Syry chaatas stele, the Syr River mouth; 2 – the second site from the heights near Niznyaya Teya ulus; 3 – the Tibik stream mouth stele; 4 – the second stele of the cemetery on the right side of the river Abakan; 5–7 – Kyzlas chaatas; 5, 6 – the first and the second sites; 7 – stele. 1–7 – according to: Leontyev et al. 2006, fig. 83, 139, 241, 252, 253, 276, 291

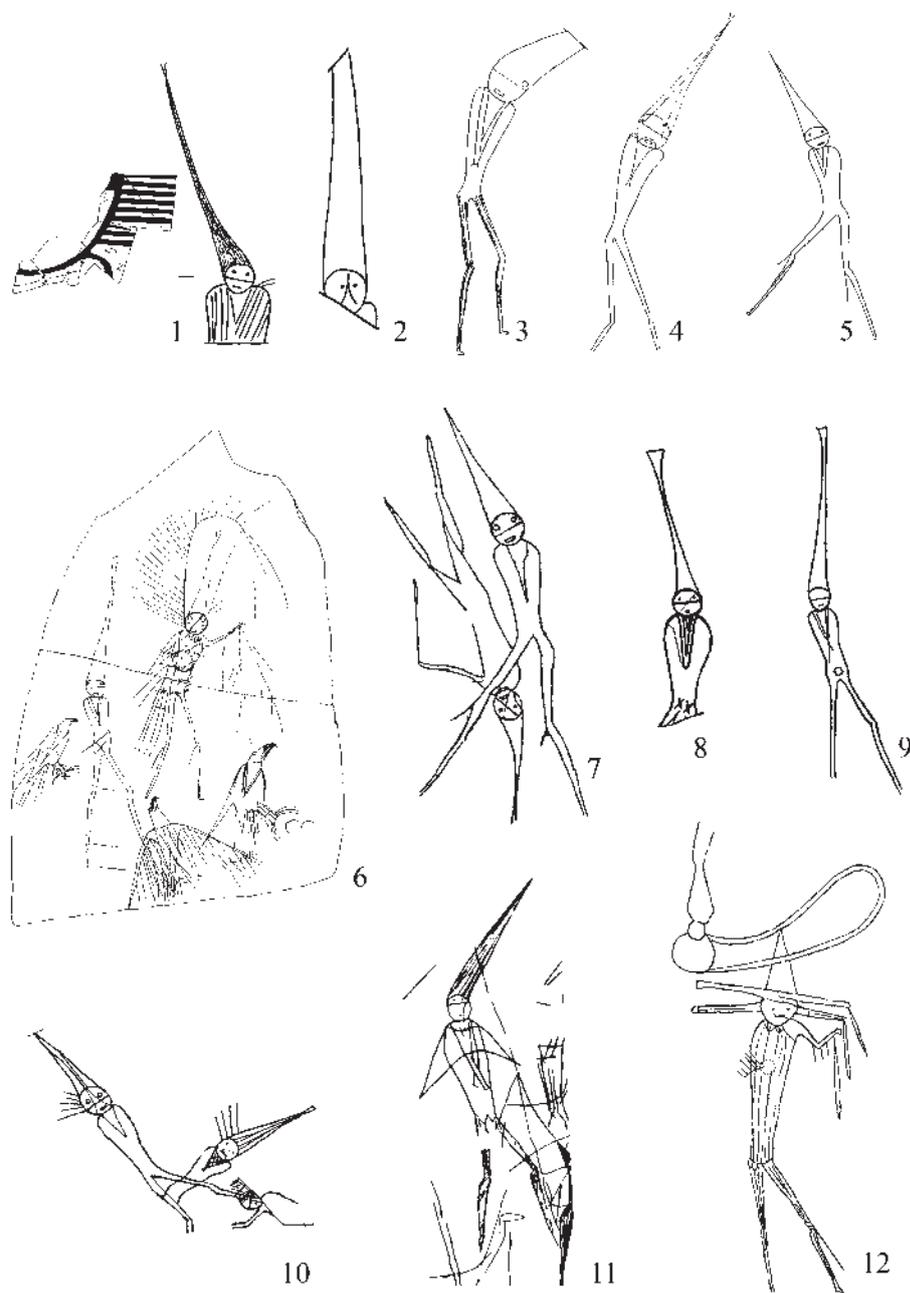

Рис. 3. Остроголовые окуневские персонажи в колпаковидных уборах. 1–10, 12 – Тас-Хазаа (по: Липский, Вадецкая, 2006; Леонтьев и др. 2006, рис. 220; Есин, 2009, рис. 3, 2, 3; Савинов 2019, рис. 2, 1–6, 9); 11 – Суханиха V (прорисовка Е.А. Миклашевич)
 Fig. 3. Pointed headed characters in tall cone hats. 1–10, 12 – Tas-Hasaa (according to: Lipskiy, Vadetskaya, 2006; Leontyev et al. 2006, fig. 220; Esin, 2009, fig. 3, 2, 3; Savinov 2019, fig. 2, 1–6, 9); 11 – Sukhanikha V (drawing by E.A. Miklashevich)

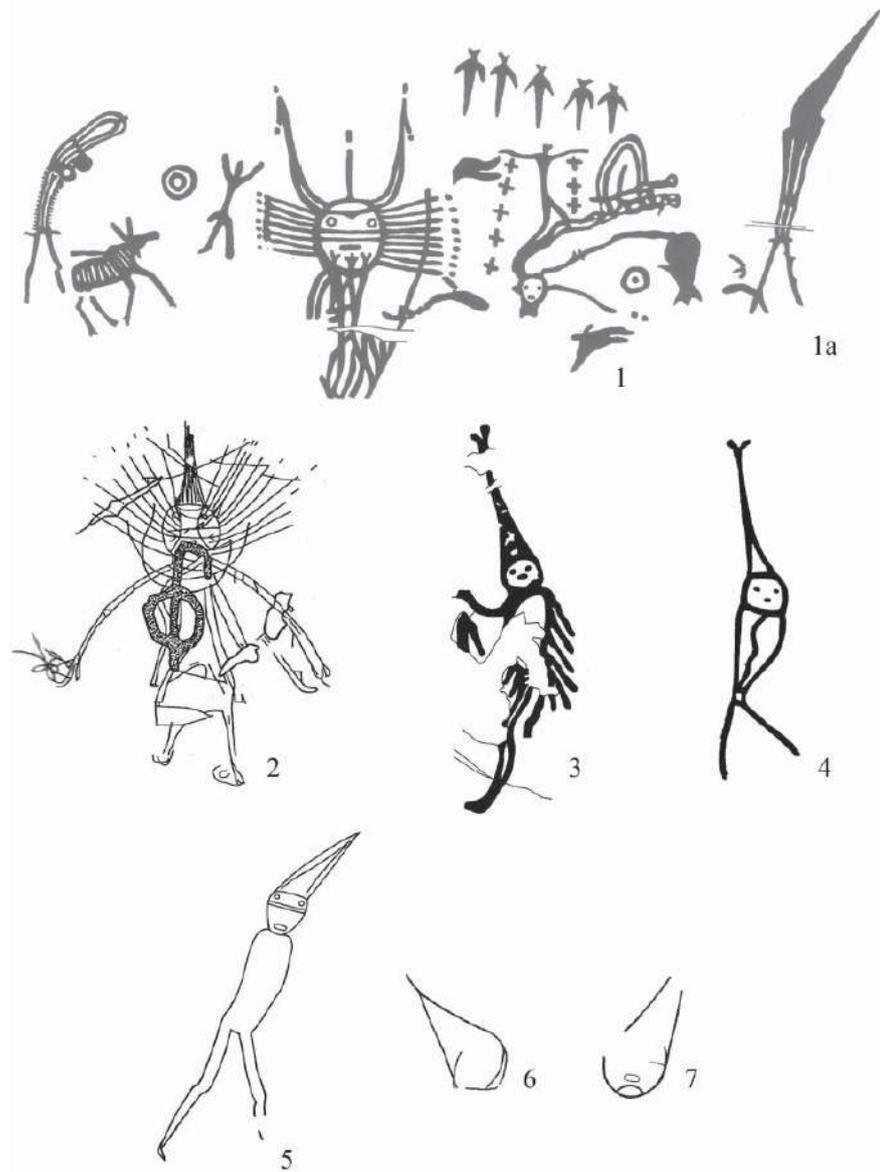

Рис. 4. Остроголовые окуневские персонажи в колпаковидных уборах и шалаболинская космографическая композиция. 1, 2 – Шалаболинская писаница (по: Pyatkin 1998, fig. 4; Пяткин, Мартынов 1985, табл. 3, 3; Леонтьев и др. 2006, рис. 20, 1); 3, 4 – устье р. Кантегир (по: Леонтьев 1978, рис. 2, 1; Леонтьев и др. 2006, рис. 5); 6 – Озерная; 7, 8 – Сульфатская. 6–8 – по: Есин, 2016, рис. 18; 30, 4, 5

Fig. 4. Pointed headed characters in tall cone hats and Shalabolino cosmographic composition. 1, 2 – Shalabolino Pisanitsa (according to: Pyatkin 1998, fig. 4; Pyatkin, Martynov 1985, Table 3, 3; Leontyev et al. 2006, fig. 20, 1); 3, 4 – the Kantegir River mouth. (according to: Leontyev 1978, fig. 2, 1; Leontyev et al. 2006, fig. 5); 6 – Ozerная; 7, 8 – Sulfatskaya. 6–8 – according to: Esin, 2016, fig. 18; 30, 4, 5

Рис. 5. Костяные скульптурки остроголовых окуневских персонажей в колпаковидных уборах и танайского идола. 1–3 – Итколь II (по: Поляков, Есин 2015); 4 – Танай 4А (по: Ковтун 2013, фото 82)

Fig. 5. Bone sculptures of pointed headed Okunevo characters in tall cone hats and Tanay Idol. 1–3 – Itkol (according to: Polyakov, Esin 2015); 4 – Tanay 4A (according to: Kovtun 2013, photo 82)

рации сравнительно невысоких остроконечных колпаков или башлыков (рис. 5, 4; 8, 1). Но это не означает косвенного подтверждения древности антропоморфа из Туриста-2. Большемысские комплексы датируются слишком широко, а именно со второй половины IV до середины III тыс. до н.э. Для указанного периода образы, подобные сланцевой фигурке из погр. 6 Туриста-2, неизвестны. При этом дата танайского идола достоверно не аргументирована. Относительно датировки данного поселения отмечается следующее: «Три некалиброванные даты, полученные по кости в Институте геологии СО РАН, и одна по рыбьей чешуе – в лаборатории Германского археологического института приблизительно совпали и определяют время существования поселения Танай-4а серединой III тыс. до н.э. Калиброванная дата по чешуе укладывается в начало второй половины IV тыс. до н.э.»⁴ Последняя дата не может быть принята как объективная в связи с удрежняющим получаемые значения резервуарным эффектом, а конвенциональные даты образцов, включая локацию их отбора, неизвестны. В другой работе большемысский комплекс Таная IVA датирован уже исключительно серединой III тыс. до н.э.⁵ Поэтому для бесспорного установления возраста танайской фигурной проколки, а равно иных предметов мелкой пластики с поселения Танай IVA необходимы радиоуглеродные даты, полученные по костным образцам данных скульптурок. Сейчас объем необходимого для AMS-датирования образца допускает это без заметного ущерба для костяных фигурок.

Остроконечный головной убор танайского и подтреугольный новосибирского антропоморфов заметно отличаются от уборов схожей формы у иных персонажей эпохи бронзы Южной Сибири. Высокие и узкие колпаки фигурируют на головах героев окуневской мифологии, запечатленных в статуарных менгирах и на стелах, в наскальных рисунках, на плитах из некоторых захоронений и в костяной пластике, главным образом, в районах Среднего Енисея. Это наиболее популярный мифологический образ, фигурирующий во всех известных жанрах окуневского искусства, исключая не особо представительную серию керамической графики. Жанровое разнообразие и иконографические отличия персонажей в подобных головных уборах, наряду с парными и даже групповыми сценами, удостоверяют не только популярность, но и множественность данной категории «богов-духов».

Последнее обстоятельство позволяет обратиться к компаративным примерам из обско-угорской мифологии, иллюстрирующей отрицательную природу остроголовых субъектов. Остроголовость, присущая изображениям духов северных хантов, была характерна лишь для определенной территориальной группы; ханты южных районов называли их злыми духами, а на Третьюгоне остроголовые фигурки делали с намерением причинить вред. У манси остроголовыми изображались самые массовые персонажи демонологии обских угров – менквы⁶.

При этом смысловые планы окуневских персонажей в высоких колпакообразных уборах не сводятся к сугубо inferнальным характеристикам. На это указывает органичное включение такого образа в космографическую композицию с Шалаболинской писаницы. В центре этой сцены фигурирует лунарное божество,

⁴ Бобров 2010, 112.

⁵ Бобров, Молодин 2009.

⁶ Карьялайнен 1995, 45, 47, 48, 74, 272, рис. 19, 27, 74.

олицетворяющее идею новолуния⁷, а фланкирующие персонажи представлены антропоморфами в параболоидном (слева) и колпакообразном (справа) уборах (рис. 4, 1, 1а). Причастность обоих божественных образов к шалаболинскому сюжету с лейтмотивом новолуния указывает на изначальность космогонического действия, вероятно, иллюстрирующего сотворение / кардинальное преобразование мироздания. Поэтому многие персонажи в колпакообразных уборах, по-видимому, входили в верховный пантеон изначальных окуневских богов, соучествовавших в сотворении вселенной.

Особо примечательна находка в погребении могильника Итколь II трех костяных изображений, воспроизводящих в миниатюре детали и композицию некоторых минусинских изваяний (рис. 5, 1–3). Совместная находка различных изображений в колпакообразных уборах удостоверяет представление о целом классе божественных персонажей, олицетворяемых таким облачением. В иткольских фигурках очевиден изобразительный намек на подразумеваемую изначальную серпентоморфность подобных образов. Поэтому небезынтересна, например, особая группа ведийских богов – Адитьев, вначале бывших Змеями. Но сбросив свою старую кожу, т.е. достигнув бессмертия, «они победили Смерть» и стали богами⁸. Адитьи связаны с брачным ритуалом, солярными божествами и солнцем, с космогонической функцией поддержания и хранения мироздания и вселенского закона рита⁹. Примечательно, что Адитьи считаются древнейшими в ведийском пантеоне и, очевидно, восходят еще к индоиранскому периоду¹⁰, т.е. непосредственно к пред- и /или раннеокуневской эпохе.

Композиционно-смысловые сочетания пары в параболоидном и колпакообразном уборах известны и в иных местах, например, в композициях из ограды Тас-Хазаа (рис. 3, 12), на Суханихе V, в Кантегире II, а также на плите 2 из погр. 2, кургана 2 Каракола. Поэтому показательно, что антропоморф с овальным головным навершием, подобным параболоидному, найден в том же погр. 5 Туриста-2, где обнаружена и фигурка в остроконечном капюшоне или колпаковидном башлыке¹¹ (рис. 7, 3, 4; 9, 1). При этом под овальным навершием, семантически аналогичным параболоидному, просматривается и остроконечный фрагмент этого сложного двусоставного головного убора (рис. 9, 1). Подобный композит «остроголовости» и «параболоидности» зафиксирован и у тас-хазинского экземпляра (рис. 3, б). Думается, в ритуально-обрядовом сценарии обоих захоронений обыгрывались образы демиургов и сюжетные перипетии их взаимодействий, как движущих начал мироздания. Поэтому содержательные компоненты погребального обряда, включая изображения высших божеств, представляли композиционно-знаковую формулу этиологического мифа, лежащего в основании мировоззренческой доктрины как окуневского, так и крохалевского социумов.

При этом остроголовая сланцевая фигурка имеет существенное отличие от типологически схожих изображений второй половины III – первой четверти II тыс. до н.э. Это плоская двухсторонняя профильная фигурка, тогда как, напри-

⁷ Ковтун 2013, 108–110 и др.

⁸ Элиаде 2009, 254.

⁹ Топоров 1994а, 45–46; Эрман 1996, 44.

¹⁰ Эрман 1996, 44.

¹¹ Басова и др. 2019, 57–58, рис. 4, 5.

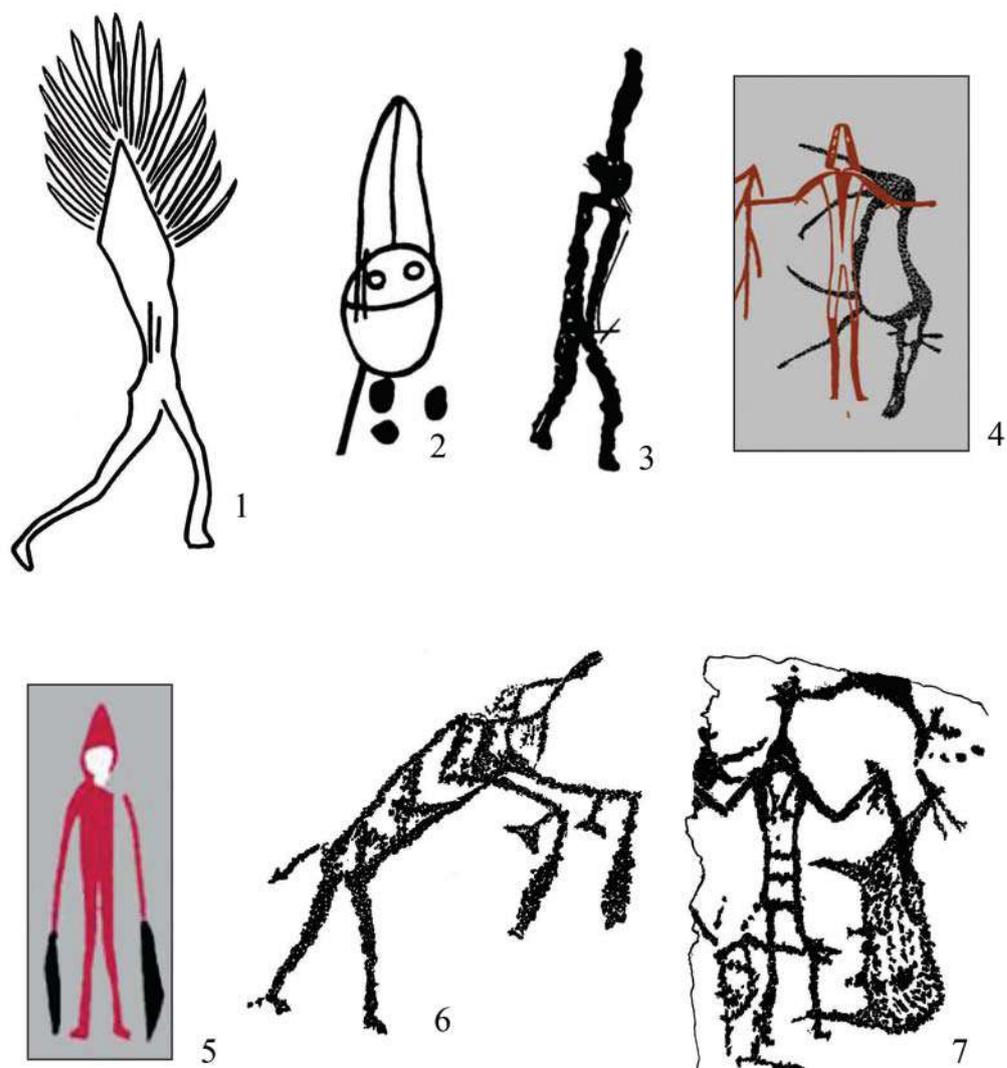

Рис. 6. Остроголовые каракольские персонажи в колпаковидных уборах и со шпалеобразными навершиями. 1–4 – Каракол; 5 – Озерное; 6–7 – Зеленое озеро (по: Маточкин 2006, рис. 14; 17, 1). 1–5 – по: Кубарев 2009, рис. 13, 4; 88; 128, 7; 134, 7, 8

Fig. 6. Pointed headed characters in tall cone hats and with spire like tops. 1–4 – Karakol; 5 – Ozerное; 6–7 – Zelyonoye Ozero (according to: Matochkin, 2006, fig. 14; 17, 1). 1–5 – according to: Kubarev 2009, fig. 13, 88, 128, 7, 134, 7, 8

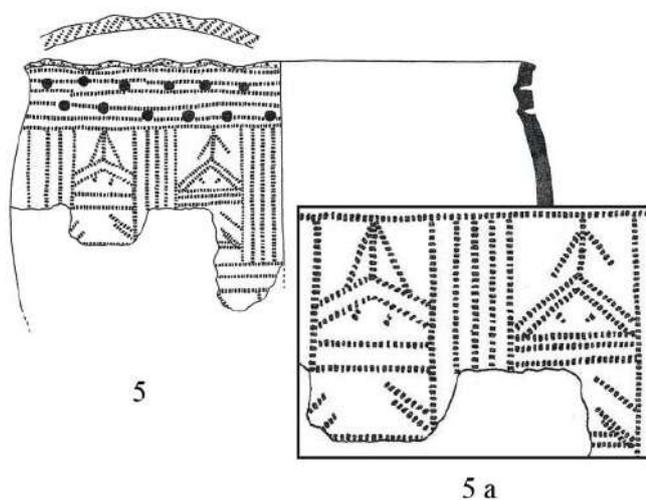
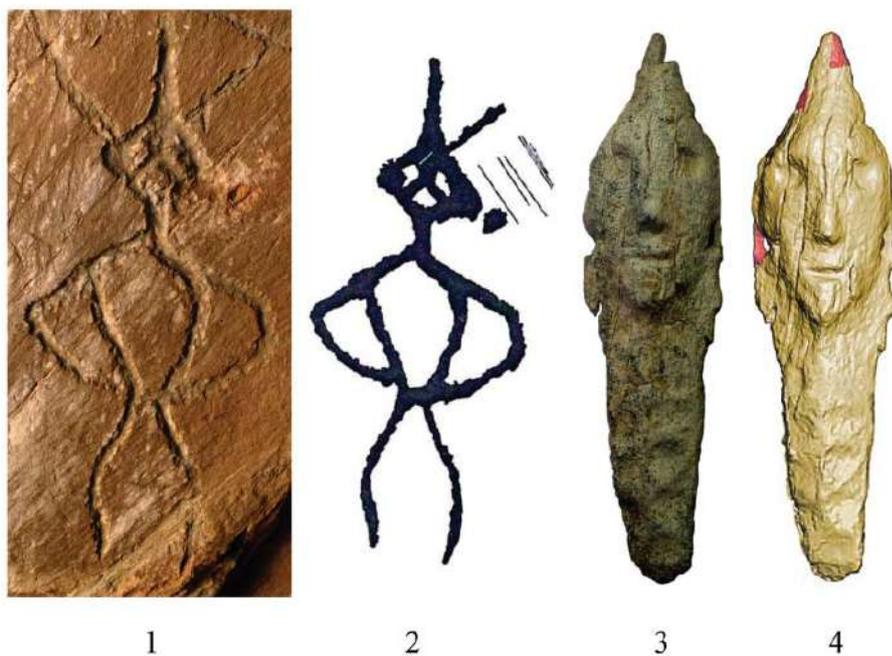

Рис. 7. Остроголовые персонажи со шпалеобразным навершием. 1, 2 – Томская писаница (фото и прорисовка Е.А. Миклашевич); 3, 4 – Турист-2 (по: Басова и др. 2019, рис. 4; Колобова и др. 2019, рис. 7); 5 – поселение Тух-Сигат IV (по: Кирюшин 2004, рис. 115, 1)
 Fig. 7. Pointed headed characters in tall cone hats and with spire like tops. 1, 2 – Tomskaya Pisanitsa (photo and drawing by E.A. Miklashevich); 3, 4 – Turist-2 (according to: Basova et al. 2019, fig. 4; Kolobova et al. 2019, fig. 7); 5 – Tukh-Sigat IV settlement (according to: Kiryushin, 2004, fig. 115; 17, 1).

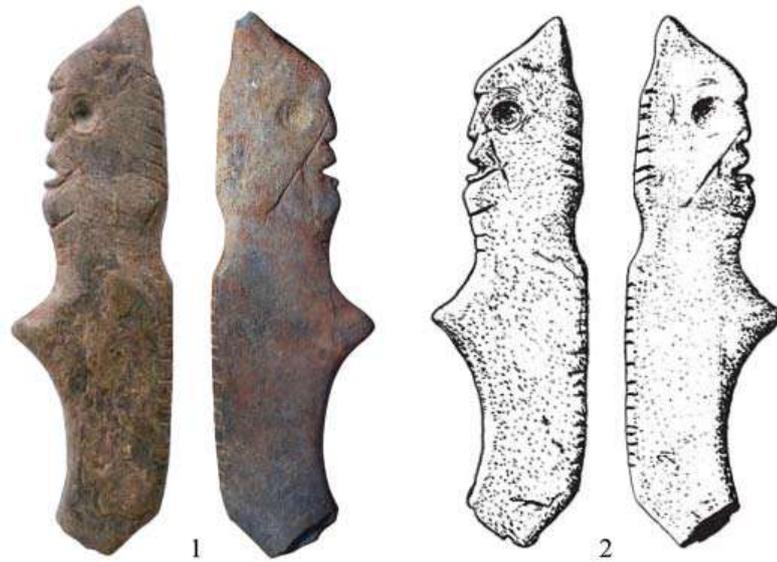

Рис. 8. Антропоморф в колпакообразном уборе/башлыке. 1, 2 – Турист-2 (по: Басова и др. 2019, рис. 7)

Fig. 8. An anthropomorphic character in a tall cone hat/hood. 1, 2 – Turist-2 (according to: Basova et al. 2019, fig. 7)

Рис. 9. Антропоморф с овальным (параболаобразным) навершием. 1, 2 – Турист-2 (по: Басова и др. 2019, рис. 5)

Fig. 9. An anthropomorphic character with an oval (parabola-like) top. 1, 2 – Turist-2 (according to: Basova et al. 2019, fig. 5)

мер, вся окуневская и самусьская монументальная скульптура и мелкая пластика выполнены в трехмерном объеме. Кроме того, лица и фигуры всех окуневских, каракольских, самусьского и предположительно крохалеваостроголовых персонажей на плитах и скалах переданы исключительно анфас, и нет ни одного случая профильной проекции подобного образа. Подобная уникальность фигурки из Туриста-2, вероятно, еще получит надлежащее разъяснение.

Отмеченное сочетание образов двух божеств в параболоидном и колпакообразном уборах напоминает ведийскую двандву Митра – Варуна. Образ Митры в функции охранителя договора восходит к общеарийскому состоянию, и как «орудие договора» он содействует согласию между людьми¹². Варуна в этой связке остается стражем заветов и моральных установлений, охранителем истины и воплощением справедливости, гарантом законосообразности, высматривающим правду и ложь, карающим виновных и т.п.¹³ Ведийской связке Митра – Варуна соответствует позднейшая авестийская пара Митра – Ахура¹⁴. Истоки ведийско-авестийского сочетания божественных персонажей относятся к периоду филиации индоиранской общности в середине III тыс. до н.э. Поэтому мифологические представления о взаимосвязанной паре функционально схожих верховных богов, вероятно, были присущи и раннеокуневскому социуму.

Изредка подобные среднеенисейским высокие остро- и колпакообразные головные аксессуары стилизованно повторяются и на изображениях каракольских антропоморфов Горного Алтая. Хотя в этом изобразительном массиве встречаются и головные уборы со шпилевидными очертаниями (рис. 6).

Думается, наиболее яркие изображения, отличающиеся увенчивающим голову «шпилем», обнаружены на берегах Томи и Оби. Фронтальный образ остроголового антропоморфа на верхнем фризе Томской писаницы с расставленными и полусогнутыми ногами, упертыми в пояс «руками» и ромбовидной («широкоскулой») головой, увенчанной тонким и высоким «шпилем», не находил соответствий, сочетавших перечисленные признаки. Неординарно выглядит и его лицо, выполненное мелкой контррельефной выбивкой и, возможно, передающее надетую маску с прорезями для глаз и носа / рта (рис. 7, 1, 2). Ни этот необычный персонаж, ни начинающаяся с него диагонально ориентированная композиция с идущим за медведем лосем не имели удовлетворительной культурно-хронологической и семантической интерпретации. По моему мнению, максимальное изобразительное соответствие данного образа обнаруживается с фигуркой остроголового антропоморфа из бивня мамонта, найденной в погребении 5 Туриста-2 (рис. 7, 3, 4). Авторы находки сравнивают ее с обособленной группой окуневских антропоморфов, включая субъекта с конусовидным навершием, а также с окуневскими персонажами в высоких головных уборах и с рисунком из могильника у пос. Озерного¹⁵. Но ближайшим территориальным и иконографическим соответствием антропоморфу из Туриста-2 представляется вышеупомянутое изображение со «шпилем» с Томской писаницы, и наоборот. Помимо этого, инвариантное сочетание таких ключевых признаков как ромбовидная (или полуромбическая) конфигурация го

¹² Гиндин 1974; Дюмезиль 1986, 59–60.

¹³ Невелева 1975, 74; Топоров 19946, 217; Дандекар 2002, 114–116.

¹⁴ Гиндин 1974; Топоров 19946, 218.

¹⁵ Басова и др. 2019, 57–58, рис. 4, 62, 63.

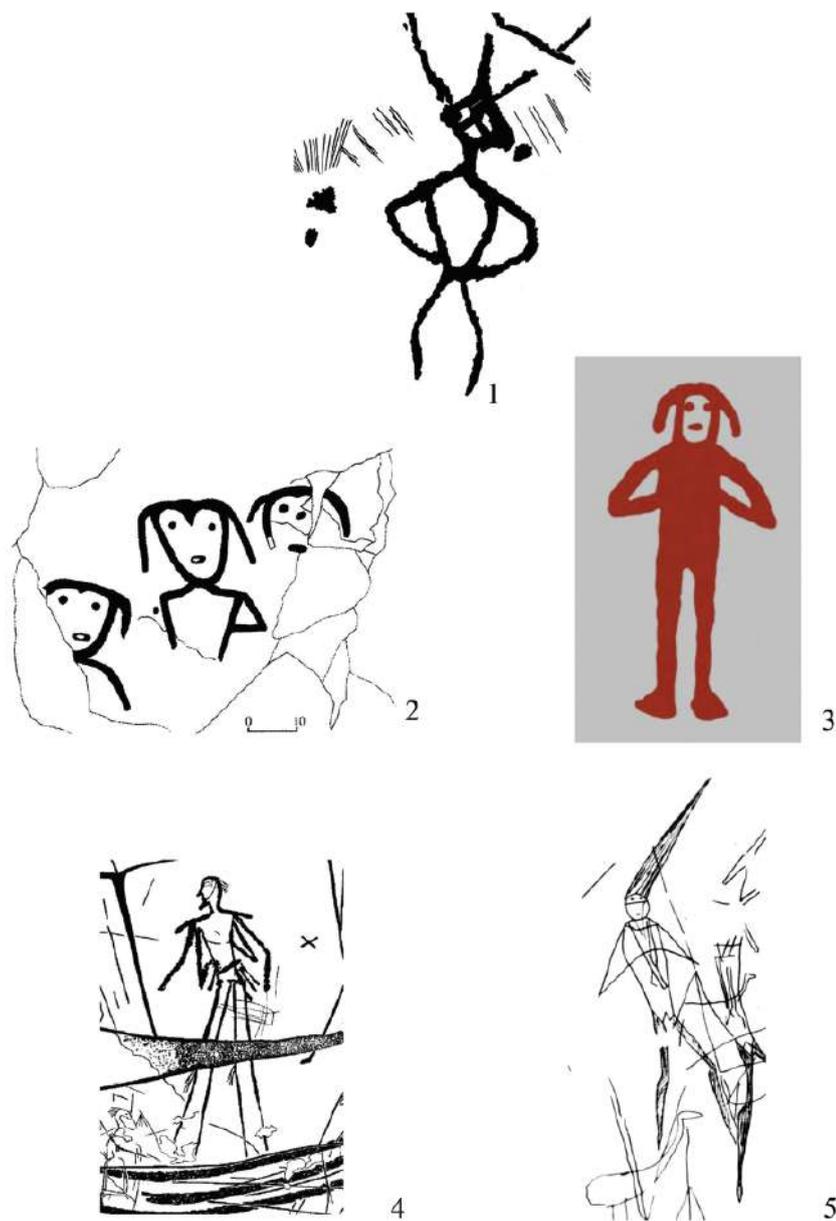

Рис.10. Мифологические персонажи с крыльями. 1 – Томская писаница (прорисовка Е.А. Миклашевич); 2 – грот Проскурякова (по: Есин 2010, рис. 14, 3); 3 – Озерное, к. 4, п. 1 (по: Кубарев 2009, рис. 9); 4 – фрагмент стелы из с. Аскиз (по: Есин 2012, рис. 5); 5 – Суханиха V (прорисовка Е.А. Миклашевич)

Fig. 10. Mythological characters with wings. 1 – Tomskaya Pisanitsa, panel 5 [drawing by I. D. Miklashevich]; 2 – Proskuryakov cave (according to: Esin 2010, fig. 14, 3); 3 – Ozernoye, b. 4, g. 1 (according to Kubarev 2009, fig. 9); 4 – a fragment of Askiz village stele (according to: Esin 2012, fig. 5); 5 – Sukhanikha V (drawing by E. A. Miklashevich)

ловы, увенчанной шпалеобразным «навершием», и парциальная личина на сосуде с поселения Тух-Сигат IV демонстрируют антропоморф из Зеленого озера (рис. 7, 5, 5a). В первом случае усматриваются каракольские, а во втором – самусьские параллели. Все приведенные аналогии входят в единый эпохальный ряд древностей крохалевской, каракольской и самусьской культур, бытовавших приблизительно со второй половины или последней трети и конца III тыс. до н.э. вплоть до начала и первой четверти II тыс. до н.э. Сходство элементов изобразительных комплексов этих социокультурных образований, включая синхронную окуневскую культуру, неоднократно отмечалось исследователями. Поэтому учитывая иные параллели между крохалевскими изображениями Туриста-2 и петроглифами Томи, а также выделенного, в том числе в Нижнем Притомье, восточного ареала кузнецко-притомского варианта крохалевской культуры¹⁶, логично предположение о крохалевской принадлежности антропоморфа Томской писаницы, а равно связанной с ним композиции.

Для реконструкции смыслового значения рассмотренных изображений симптоматичен материал, использованный для изготовления скульптурки из Туриста-2. В мифологии многих сибирских аборигенов мамонт безальтернативно ассоциируется с Нижним миром. Это может указывать на хтонические черты духа или божества, фигурка которого сделана из бивня мамонта, что соответствует негативным коннотациям остроголовых персонажей в ханты-мансийской мифологии. Аналогичные качества следует предполагать и для изобразительного соответствия данному образу с верхнего фриза Томской писаницы. Нижнетомская разновидность подобного духа или божества обладает еще одним характерным атрибутом. По перекрестным соответствиям можно обоснованно предполагать, что упертые в бока так называемые «руки» томского антропоморфа в действительности передают его распростертыя крылья (рис. 7, 1, 2). Если шпалеобразное окончание головы или головного убора этой фигуры находит аналогию в предположительно крохалевском комплексе Туриста-2, то ее крылья напоминают аналогичные атрибуты разноплановых окуневских и каракольских изображений (рис. 10) или, как предполагает Ю.Н. Есин, еще более ранней личины (рис. 10, 2). В обращении шамана северных хантов к Калтаць-экке, например, упоминаются «сотни духов с крыльями – твоих сынов»¹⁷. Соответственно, крылья представляются характерным признаком атмосферного духа и / или божества. Так крылатость композитного персонажа, не имеющая прообразов в природе, выступает либо идентифицирующим атрибутом потусторонней силы, либо свидетельством сопричастности миру духов (например, шаманы). Поэтому в запечатленном образе воплощены черты «крылатого божества-духа», а возможно, и «крылатого демона». Не случайно рассматриваемый персонаж нанесен на недостижимой высоте, как содержательный фрагмент диагональной композиции с медведем и лосем, передающей календарный круговорот мифа о космической погоне.

¹⁶ Ковтун 2020, 18–19, 22–23.

¹⁷ Карьялайнен 1995, 135.

ЛИТЕРАТУРА

- Басова, Н.В. 2018: Керамика из могильника бронзового времени на поселении Турист-2 в Новосибирске. *ПАЭАССТ XXIV*, 209–213.
- Басова, Н.В., Постнов, А.В., Заика, А.Л., Молодин, В.И. 2019: Предметы мобильного искусства из могильника эпохи бронзы на поселении Турист-2. *АЭАЕ* 4 (47), 53–65.
- Басова, Н.В., Постнов, А.В., Нестеркина, А.Л., Ахметов, В.В., Морозов, А.А. 2017: Результаты охранно-спасательных раскопок на поселении Турист-2 в городе Новосибирске в 2017 году. *ПАЭАССТ XXIII*, 509–512.
- Бобров, В.В. 2010: Большемысская культура. В сб.: М.П. Черная (ред.), *Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции*. Томск, 110–113.
- Бобров, В.В., Молодин, В.И. 2009: Танай-4а. В кн.: В.А. Ламин (ред.), *Историческая энциклопедия Сибири. С–Я*. Новосибирск, 227.
- Гиндин, Л.А. 1974: Некоторые ареальные характеристики хеттского. II (К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период). *Этимология*. 1972. М., 149–159.
- Дандекар, Р.Н. 2002: *От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология*. М.
- Дюмезиль, Ж. 1986: *Верховные боги индоевропейцев*. М.
- Есин, Ю.Н. 2009: Стела с изображением «солнцеголового» божества на реке Туим в Хакасии (К 120-летию экспедиции на Енисей Общества древностей Финляндии под руководством И.Р. Аспелина). *АЭАЕ* 3 (39), 85–94.
- Есин, Ю.Н. 2010: Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины. В сб.: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков (ред.), *Афанасьевский сборник*. Барнаул, 53–73.
- Есин, Ю.Н. 2012: Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1 (3), 14–47.
- Есин, Ю.Н. 2016: Петроглифы окуневской культуры на севере Хакасии. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1, 85–123.
- Заика, А.Л., Басова, Н.В., Постнов, А.В. 2019: Антропоморфная многофигурная композиция из погребения на поселении Турист-2 в Новосибирске. В сб.: М.А. Дзвлет (ред.), *Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2)*. М.–Кемерово, 123–130. (Труды САИПИ XII).
- Зоткина, Л.В., Басова, Н.В., Постнов, А.В., Колобова, К.А. 2020: Фигурка лося с памятника Турист-2 (г. Новосибирск): особенности технологии и стилистики. *АЭАЕ* 4 (48). 75–83.
- Карьялайнен, К.Ф. 1995: *Религия югорских народов 2*. Томск.
- Кирюшин, Ю.Ф. 2004: *Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири*. Барнаул.
- Ковтун, И.В. 2013: *Предыстория индоарийской мифологии*. Кемерово.
- Ковтун, И.В. 2020: Хронология главной плоскости Тутальской писаницы. *Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница»* 11. Кемерово. 13–44.
- Колобова, К.А., Федорченко, А.Ю., Басова, Н.В., Постнов, А.В., Ковалев, В.С., Чистяков, П.В., Молодин, В.И. 2019: Применение 3D-моделирования для реконструкции облика и функции предметов неутилитарного назначения (на примере антропоморфной скульптуры из материалов могильника Турист-2). *АЭАЕ* 4 (47), 66–76.
- Кубарев, В.Д. 2009: *Памятники каракольской культуры Алтая*. Новосибирск.
- Леонтьев, Н.В. 1978: Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики). В сб.: В.Е. Ларичев (ред.), *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла*. Новосибирск, 88–118.

- Леонтьев, Н.В., Капелько, В.Ф., Есин, Ю.Н. 2006: *Изваяния и стелы окуневской культуры*. Абакан.
- Липский, А.Н., Вадецкая, Э.Б. 2006: Могильник Тас-Хазаа. В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура и ее окружение*. СПб., 9–52.
- Маточкин, Е.П. 2006: Петроглифы Зеленого озера – памятник эпохи бронзы Алтая. *АЭАЕ* 2 (26), 104–115.
- Невелева, С.Л. 1975: *Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон)*. М.
- Поляков, А.В., Есин, Ю.Н. 2015: Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии. *АЭАЕ* 2 (43), 43–57.
- Пяткин, Б.Н., Мартынов, А.И. 1985: *Шалаболинские петроглифы*. Красноярск.
- Савинов, Д.Г. 2019: «Дома духов» в гравировках на каменных плитах из могильника Тас-Хазаа. *ПИФК* 2, 156–182.
- Топоров, В.Н. 1994а: Адитья. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 45–46.
- Топоров, В.Н. 1994б: Варуна. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 217–218.
- Элиаде, М. 2009: *История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий*. М.
- Эрман В.Г. 1996: Адитья. В кн.: М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянский (ред.), *Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь*. М., 44.
- Ryutkin, B.N. 1998: The Shalabolino petroglyphs on the river Tuba (Middle Yenisei). *International Newsletter on Rock Art* 20, 26–30.

REFERENCES

- Basova, N.V. 2018: Keramika iz mogil'nika bronzovogo vremena na poselenii Turist-2 v Novosibirsk [Ceramics from the Bronze Age burial ground at the Turist-2 settlement in Novosibirsk]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories] XXIV, 209–213.
- Basova, N.V., Postnov, A.V., Nesterkina, A.L., Akhmetov, V.V., Morozov, A.A. 2017: Rezul'taty okhranno-spatatel'nykh raskopok na poselenii Turist-2 v gorode Novosibirsk v 2017 godu [Results of rescue and salvage excavations at the Turist-2 settlement in the city of Novosibirsk in 2017 year]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories] XXIII, 509–512.
- Basova, N.V., Postnov, A.V., Zaika, A.L., Molodin, V.I. 2019: Predmety mobil'nogo iskusstva iz mogil'nika epokhi bronzy na poselenii Turist-2 [Objects of mobile art from the burial ground of the Bronze Age at the Turist-2 settlement]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 4 (47), 53–65.
- Bobrov, V.V. 2010: Bol'shemyskaya kul'tura [Bolshemys culture]. In: M.P. Chernaya (ed.), *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy. Materialy XV Mezhdunarodnoy Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii* [Culture as a system in a historical context: Experience of West Siberian archaeological and ethnographic meetings. Materials of the XV International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference]. Tomsk, 110–113.
- Bobrov, V.V., Molodin, V.I. 2009: Tanay-4a [Tanay-4a]. In: V.A. Lamin (ed.), *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. S-Ya* [Historical Encyclopedia of Siberia. S-Ya]. Novosibirsk, 227.
- Dandekar, R.N. 2002: *Ot ved k induizmu: Evolyutsioniruyushchaya mifologiya* [From Vedas to Hinduism: An evolving mythology]. Moscow.

- Dyumezil', Zh. 1986: *Verkhovnye bogi indoevropeytssev* [The supreme gods of the Indo-Europeans]. Moscow.
- Eliade, M. 2009: *Istoriya very i religioznykh idey: Ot kamennogo veka do elevsinskikh misteriy* [A history of faith and religious ideas: From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries]. Moscow.
- Erman, V.G. 1996: Adit'ya [Aditya]. In: M.F. Al'edil, A.M. Dubyansky (eds.), *Induizm. Dzhayнизм. Sikkhizm: Slovar'* [Hinduism. Jainism. Sikhism: A Dictionary]. Moscow, 44.
- Esin, Yu.N. 2009: Stela s izobrazheniem «solntsegolovogo» bozhestva na reke Tuim v Khakasii (K 120-letiyu ekspeditsii na Enisey Obshchestva drevnostey Finlyandii pod rukovodstvom I.R. Aspelina) [Stele depicting a “sun-headed” deity on the Tuim River in Khakassia (To the 120th anniversary of the expedition to the Yenisei of the Society of Antiquities of Finland led by I.R. Aspelin)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia] 3 (39), 85–94.
- Esin, Yu.N. 2010: Problemy vydeleniya izobrazheniy afanas'evskoy kul'tury v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny [Problems of highlighting images of the Afanasievo culture in the rock art of the Minusinsk Basin]. In: N.F. Stepanova, A.V. Polyakov (ed.), *Afnas'evskiy sbornik* [Afnasyevsky collection]. Barnaul, 53–73.
- Esin, Yu.N. 2012: Drevneyshie izobrazheniya povozok Minusinskoy kotloviny [The earliest depictions of carts in the Minusinsk Basin]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific review of Sayano-Altai] 1 (3), 14–47.
- Esin, Yu.N. 2016: Petroglify okunevskoy kul'tury na severe Khakasii [Petroglyphs of the Okunev culture in the north of Khakassia]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific review of Sayano-Altai] 1, 85–123.
- Gindin, L.A. 1974: Nekotorye areal'nye kharakteristiki khettskogo. II (K balkano-khetto-luviyskim izoglossam v predanatoliyskiy period) [Some areal characteristics of the Hittite. II (To the Balkan-Hittite-Luwian isogloss in the pre-Anatolian period)]. *Etimologiya* [Etymology]. 1972. Moscow, 149–159.
- Karyalanyen, K.F. 1995: *Religiya yugorskikh narodov* [Religion of the Yugra peoples] 2. Tomsk.
- Kiryushin, Yu.F. 2004: *Eneolit i bronzovyy vek yuzhno-taehnoy zony Zapadnoy Sibiri* [Eneolithic and Bronze Age of the southern taiga zone of Western Siberia]. Barnaul.
- Kolobova, K.A., Fedorchenko, A.Yu., Basova, N.V., Postnov, A.V., Kovalev, V.S., Chistyakov, P.V., Molodin, V.I. 2019: Primenenie 3D-modelirovaniya dlya rekonstruktsii oblika i funktsii predmetov neutilitarnogo naznacheniya (na primere antropomorfnoy skul'ptury iz materialov mogil'nika Turist-2) [The use of 3D modeling for the reconstruction of the appearance and function of non-utilitarian objects (by the example of anthropomorphic sculpture from the materials of the Turist-2 burial ground)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia] 4 (47), 66–76.
- Kovtun, I.V. 2013: *Predystoriya indoariyskoy mifologii* [The prehistory of Indo-Aryan mythology]. Kemerovo.
- Kovtun, I.V. 2020: Khronologiya glavnoy ploskosti Tatal'skoy pisanitsy [Chronology of the main plane of the Tatal'skaya pisanitsa]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya pisanitsa"* [Scientific notes of the Tomsk Pisanitsa Museum-Reserve] 11. Kemerovo, 13–44.
- Kubarev, V.D. 2009: *Pamyatniki karakol'skoy kul'tury Altaya* [The sites of the Karakol culture of Altai]. Novosibirsk.
- Leont'ev, N.V. 1978: Antropomorfnye izobrazheniya okunevskoy kul'tury (problemy khronologii i semantiki) [Anthropomorphic images of Okunev culture (problems of chronology and semantics)]. In: V.E. Larichev (ed.), *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: Neolit i epokha metalla* [Siberia, Central and East Asia in Antiquity: the Neolithic and the Metal Ages]. Novosibirsk, 88–118.
- Leont'ev, N.V., Kapel'ko, V.F., Esin, Yu.N. 2006: *Izvayaniya i stely okunevskoy kul'tury* [Statues and steles of the Okunev culture]. Abakan.

- Lipskiy, A.N., Vadetskaya, E.B. 2006: Mogil'nik Tas-Khazaa [The Tas-Khazaa cemetery]. In: D.G. Savinov (ed.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura i yeye okruzhenie* [Okunev collection of papers. Culture and its environment]. St. Petersburg, 9–52.
- Matochkin, E.P. 2006: Petroglify Zelenogo ozera – pamyatnik epokhi bronzy Altaya [Petroglyphs at Lake Zelenoe – an Altai Bronze Age site]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 2 (26), 104–115.
- Neveleva, S.L. 1975: *Mifologiya drevneindiyskogo eposa (panteon)* [Mythology of the ancient Indian epic (pantheon)]. Moscow.
- Polyakov, A.V., Esin, Yu.N. 2015: Miniatyurnye izobrazheniya iz pogrebeniya okunevskoy kul'tury na ozere Itkul' v Khakasii [Miniature images from the Okunev culture burial at Lake Itkul in Khakassia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 2 (43), 43–57.
- Pyatkin, B.N. 1998: The Shalabolino petroglyphs on the river Tuba (Middle Yenisei). *International Newsletter on Rock Art* 20, 26–30.
- Pyatkin, B.N., Martynov, A.I. 1985: *Shalabolinskie petroglify* [Petroglyphs from Shalabolino]. Krasnoyarsk.
- Savinov, D.G. 2019: “Doma dukhov” v gravirovkakh na kamennykh plitakh iz mogil'nika Tas-Khazaa [“Houses of spirits” in engravings on stone slabs from the Tas-Khazaa burial ground]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 156–182.
- Toporov, V.N. 1994a: Adit'i [Aditya]. In: S.A. Tokarev (red.), *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1. Moscow, 45–46.
- Toporov, V.N. 1994b: Varuna [Varuna]. In: S.A. Tokarev (red.), *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1. Moscow, 217–218.
- Zaika, A.L., Basova, N.V., Postnov, A.V. 2019: Antropomorfnyaya mnogofigurnaya kompozitsiya iz pogrebeniya na poselenii Turist-2 v Novosibirsk [An anthropomorphic multifigured composition from the burial at the Turist-2 settlement in Novosibirsk]. In: M.A. Devlet (ed.), *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva (2)*. [Visual and technological traditions of early art forms (2)]. Moscow–Kemerovo, 123–130. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva [Issues of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers] XII).
- Zotkina, L.V., Basova, N.V., Postnov, A.V., Kolobova, K.A. 2020: Figurka losya s pamyatnika Turist-2 (g. Novosibirsk): osobennosti tekhnologii i stilistiki [Figurine of an elk from the Tourist-2 site (Novosibirsk): features of technology and stylistics]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 4 (48), 75–83.

PALEOMETAL ERA SHARP-HEADED CHARACTERS IN THE SOUTH SIBERIA ART

Igor V. Kovtun

Independent researcher, Kemerovo, Russia
ivkovtun@mail.ru

Abstract. The article deals with the pointed headed characters dressed in tall cone hats or in hats with spire-like tops. They are represented in monumental sculpture, on arrows, rocks and slabs from burial mounds and in mobile art. Represented characters belong to the Bronze Age and created by the Okunev, Karakol, Krokhal'yev, Samus and probably Bolshoy Mys

cultures people. Based on comparative mythology and structural analysis of the compositions, an interpretation of the meanings of some Okunev and Krokhal'yevo representations have been suggested. Iconographic parallels between the one of a kind representation from Tomskaya Pisanitsa and the anthropomorphic figurine from Turist-2. A parallel has been drawn between the meanings of a couple of interrelated Okunev and Karakol cultures gods-spirits. The Okunevo and Krokhal'yevo cultures' mythological characters have been compared with the characters presented in Early Vedic texts. Twin characters with tall cone and paraboloid hats are associated with Vedic dvandva and Mitra and Varuna, as well as with Avestan Mitra and Ahura. The conclusion is made about the interrelated couple of functionally similar supreme gods probably presented in the early Okunevo art. On the one hand, the group characters in tall cone hats can be associated with Ob-Ugrian representations of the same image of bad spirits and menkvs. On the other hand, such anthropological representations remind a group of the most ancient Vedic gods Ādityās emerging from the Indo-Iranian commonness, and its break-up runs in with the emergence of the Okunevo culture. The interpretation of a famous anthropomorphic character with a spire-like top on its head and "arms at hips" as a mythological character with wings instead of arms and "winged demon" has been reviewed.

Keywords: Bronze Age, pointed headed characters, Okunev Culture, Karakol Culture, Samus Culture, Krokhal'yevo Culture, petroglyphs, semantics

---
